

Уильям Шекспир

Отелло

Действующие лица

Дожд Венеции.

Брабанцио, сенатор.

Два других сенатора.

Грациано, брат Брабанцио.

Лодовико, родственник Брабанцио.

Отелло, генерал, мавр.

Кассио, его лейтенант (помощник).

Яго, его поручик (адъютант).

Родриго, венецианский дворянин.

Монтано, предшественник Отелло в управлении Кипром.

Шут, в услужении Отелло.

Герольд.

Дездемона, дочь Брабанцио и жена Отелло.

Эмилия, жена Яго.

Бьянка, куртизанка, любовница Кассио.

Офицеры, дворяне, послы, музыканты, матросы, слуги.

Первый акт — в Венеции, остальные — на Кипре.

Акт первый

Сцена I

Венеция. Улица. Входят Родриго и Яго.

Родриго

Нет, Яго! Нет, ты что ни говори,
А больно мне, что ты, располагавший
Моей казной, как собственной своею,
Про это знал...

Яго

Да черт возьми, постой!
Меня совсем ты выслушать не хочешь.
Я презирать себя позволю, если
Хоть снилось мне все это.

Родриго

Ты всегда
Мне говорил, что ненавидишь мавра.

Яго

И от меня ты отвернись с презреньем,
Когда я лгал. Три знатных гражданина,
Желавшие доставить у него
Мне место лейтенанта, хлопотали
Усердно за меня. И этой чести
Я стоил; да, как честный человек
В том поклянусь: себе я цену знаю...

Но этот мавр, без памяти, влюбленный
В свой гордый нрав и замыслы свои,
От этих просьб отвертывался: долго
Напыщенной какой-то болтовней,
Напичканной военными словами,
И, наконец, ходатаям моим
Он отказал. «Затем что, — объяснил он, —
Уже себе я выбрал лейтенанта».
И кто же тот избранник?
Великий арифметик, флорентиец,
Какой-то Кассио, с одной красоткой
Уже себя связавший по рукам,
Не шедший никогда пред эскадроном
И знающий порядок боевой
Не более прядильщика любого.
Теория лишь книжная одна,
С которою сенатор каждый в тоге
Не менее его знаком, хвастливость
Без сведений практических — вот все
Военное искусство флорентийца.
И все-таки он выбран — да; а я,
Я, чьи дела не раз Отелло видел
В Родосе, в Кипре и в других странах
Языческих и христианских — я
Попутного лишен внезапно ветра
Цифирником и счетчиком простым.
Он — лейтенант, а я — прости мне, Боже! —
Поручиком у мавра остаюсь.

Родриго

Что до меня, так я скорей желал бы —
Клянусь тебе — быть палачом его.

Яго

Тут никаким лекарством не поможешь.
Таков у нас порядок службы: тот
Лишь предпочтен, кто знатен и с связями;
Не следуют уж старому Порядку,
Где первому наследовал второй.
Судите же теперь; синьор, вы сами:
Имею ль я один хоть повод быть
Расположенным к мавру?

Родриго

Так ему бы
Уж не служил я вовсе.

Яго

Успокойся!
Служа ему, служу я сам себе.
Нельзя, чтоб мы все были господами
И чтобы все имели верных слуг.
Конечно, есть такие подлецы,

Которые, почтительно сгибаясь
И ползая, влюбленные в свое
Презренное лакейство, как ослы,
Работают из-за одной лишь пищи;
А чуть они состареются — вон
Сейчас их гонят. Палками бы этих
Всех честных подлецов! Но есть другие,
Которые под маской верной службы
Скрывают мысль лишь о самих себе,
И, господам отлично угождая
Услужливостью видимой, меж тем
Свои дела ведут с большим успехом;
А понабив карманы, начинают
Самим себе служить и угождать.
Вот в этих-то людях есть здравый смысл,
И к этим-то и сам принадлежу я.
Да-да, синьор,
Будь мавром я, я б не остался Яго:
То верно так, как что Родриго — ты.
Служа ему, себе служу я только.
Свидетель Бог — тут ни любви, ни долга,
А только их личина для прикрытья
Намерений особенных моих:
Ведь внешними поступками раскрыть
Моей души и внутренность и сущность —
Не все ль равно, что на ладонь ее
Всю выложить и дать в добычу галкам?
Нет, я не тот, каким кажусь!

Родриго

Ну, если
И здесь еще одержит верх губан,
Так счастье везет ему большое!

Яго

Теперь скорей ее отца будите:
Пусть он бежит в погоню, отравляйте
Его покой, на весь кричите город,
Родню ее восстановить старайтесь
Хоть он живет на почве благодатной —
Замучь его ты мухами; хоть он
И счастья великого добился —
Старайся ты то счастье растревожить,
Чтоб яркий цвет утратило оно.

Родриго

Вот дом отца! Я стану громко кликать.

Яго

Да, да, кричите, сколько хватит сил,
Тем голосом ужаснейшим, которым
Вопят, когда в беспечный час ночной
Вдруг город многолюдный загорится.

Родриго

Брабанцио! Брабанцио! Синьор!

Яго

Брабанцио! Вставайте! Воры! Воры!
Вставайте! Эй! Поберегите дом
И дочь, и сундуки! Эй! Воры, воры!

Брабанцио появляется в окне.

Брабанцио

Что тут за шум? Что значат эти крики?
В чем дело? Что случилось здесь?

Родриго

Синьор,
Домашние все ваши нынче дома?

Яго

А двери все у вас затворены?

Брабанцио

Да вам-то что? К чему вопросы эти?

Яго

К тому, что вы ограблены, синьор.
Вставайте же скорее, одевайтесь,
Не мешкая. Вам разорвали сердце...
Утратили вы часть своей души...
Да, в этот час, в минуту эту черный
Старик-баран в объятых душил вашу
Овечку белую. Синьору скорее
Набатов разбудите спящих граждан,
Иначе — черт вас в деда превратит.
Скорей, скорей!

Брабанцио

Да что вы, помешались?

Родриго

Знаком ли вам, почтеннейший синьор,
Мой голос?

Брабанцио

Нет, а кто вы?

Родриго

Я — Родриго.

Брабанцио

Ах, негодяй! Да я ж тебе сказал,
Чтоб ты не смел пред этим домом шляться!
Ведь ясно я тебе уж объявил,
Что дочь моя не для тебя; а ты,
Отужинавши плотно и напившись
Напитков одуряющих, в безумьи
Пришел сюда, кичась отвагой глупой,
Нарушил мой покой...

Родриго

Синьор, синьор!

Брабанцио

Но будь вполне уверен, что влиянье
Мое и сан тебя заставят горько
За это поплатиться.

Родриго

Ах, синьор,
Послушайте!

Брабанцио

Зачем ты мне толкуешь
О грабеже? Ведь город здесь, а дом мой —
Не ферма отдаленная.

Родриго

Синьор,
Почтеннейший Брабанцио, поверьте,
Я к вам пришел, как добрый человек.

Яго

Черт возьми, синьор! Вы один из тех, которые откажутся от служения Богу, если того потребует дьявол. Мы пришли сюда, чтоб оказать вам услугу, а вы принимаете нас за мошенников. Верно, вам хочется, чтоб ваша дочь сошлась с варварийским жеребцом, чтоб ваши внуки ржали подле вас, чтоб рысаки были вашими двоюродными братьями, а иноходцы —

племянниками?

Брабанцио

Ты еще что за богохульник?

Яго

Я — человек, пришедший вам сказать, что в эту минуту ваша дочь и мавр изображают собою зверя о двух спинах.

Брабанцио

Ты — негодяй!

Яго

А вы, синьор, — сенатор.

Брабанцио

За это ты ответишь мне, Родриго,
Ты мне знаком.

Родриго

За все я отвечаю.

Но будьте так добры, скажите мне,
По вашему ли мудрому согласью,
По вашему ль решению ваша дочь
Прекрасная в глухую эту полночь
Отправилась без всякой стражи, кроме
Наемного мерзавца-гондольера,
В сластолюбивые объятия мавра?
Коль это вам известно и свершилось
По вашему согласью, значит мы
Вам нанесли большое оскорбление;
А если нет, так здравый смысл вам скажет,
Что этот гнев на нас несправедлив.
Не думайте, прошу вас, что, забывши
Приличие, над вами я пришел
Шутить и издеваться. Нет! Дочь ваша,
Когда на то не дали вы согласия,
Ужасно провинилась, повторяю,
Сковав свой долг, и ум, и красоту
С бездомным, безобразным чужеземцем.
Скорее убедитесь сами в том;
И если вы ее найдете в доме
Иль в комнате ее — за мой обман
Меня тогда предайте правосудью.

Брабанцио

Огня! Огня скорее высекайте,
Свечей сюда! Зовите слуг моих!

Со сном моим все это слишком схоже...
Уж мысль одна о том меня терзает...
Огня, огня, вам говорят!

(Скрывается в окне.)

Яго

Прощайте!
Я должен удалиться. Неприлично,
Неловко мне, по званию моему,
Свидетелем явиться против мавра;
Оставшись же, я должен это сделать.
Ведь наш сенат, я знаю, не накажет
Отставкою его, а разве легкий
Даст выговор: он так необходим
Сенаторам для предстоящей кипрской
Войны, что уж никем другим они
Не заменят Отелло в этом деле.
Вот почему, хоть он мне ненавистен,
Как муки адские, но должен я
Флаг выкинуть любви — конечно, мнимой;
А вы, чтобы верней его найти,
Брабанцио к «Стрелку» теперь направьте.
Там и меня найдете. До свиданья.

(Уходит.)

Из дома выходят Брабанцио и слуги с факелами.

Брабанцио

Так правда все! Свершилось злодеянье!
Нет, нет ее — и для меня теперь
Все в будущем лишь горечь и мученье!
Родриго, где, скажи, ее ты видел?
Несчастливая! Ты говоришь, что с мавром?
О, кто ж теперь отцом захочет быть?
Как ты узнал, что то была она?
О, как меня ты страшно обманула!
Что ж, что она тебе сказала? Эй,
Еще огня, еще огня! Будьте
Домашних всех! Как думаешь, успели
Они уж обвенчаться?

Родриго

Полагаю.

Брабанцио

О небеса! Да как ей удалось
Уйти отсель? О, кровная измена!
Отцы, отцы, не верьте с этих пор
Ни в чем, ни в чем вы дочерям не верьте!
Да нет ли в самом деле чар таких,
Которыми влекутся в заблужденье

И молодость, и девственность? Родриго,
Ты не читал ли где-нибудь о том?

Родриго

Читал, синьор.

Брабанцио

Где брат мой? Позовите.
О, для чего, Родриго, я не отдал
Ее тебе!.. На поиски скорей!
Сюда — одни, туда — другие. Где же
Мне их найти? Не знаешь ли, Родриго?

Родриго

Я думаю, что указать могу.
Пошлите-ка сперва за доброй стражей
И следуйте за мною.

Брабанцио

Ну, веди,
Веди скорей! Я в каждом доме буду
Кричать, чтоб мне давали подкрепление.
Берите-ка оружие. Призовите
Чиновников дозорных поскорее.

Идем! Идем, Родриго, добрый мой,
За этот труд тебя вознагражу я.

Уходят.

Сцена II

Там же. Другая улица.

Входят Отелло, Яго и служители с факелами.

Яго

Хоть на войне я убивал людей,
Но совести считал всегда противным
Обдуманно убийство совершить.
Мне к этому недоставало часто
Жестокости. Раз девять или десять
Готовился я в бок его пырнуть.

Отелло

И хорошо, что этого не сделал.

Яго

Да как же быть? Он хвастал так ужасно
И, говоря о вас, употреблял
Обидные такие выраженья,
Что я, при всей сердечной доброте,
С большим трудом сдержал негодование.
Однако же, скажите мне, синьор,
Обвенчаны ли вы? Вам надо помнить,
Что наш маньифико любим здесь всеми
И в этом случае его ведь голос
Вдвойне сильней, чем самый голос дожа.
Он разведет, наверно, вас, подвергнет
Тяжелым наказаниям, какие
Закон, его усиленный влияньем,

Ему отдаст на выбор.

Отелло

Что ж, пускай
Он бешенству, как хочет, предается,
Но ведь мои заслуги пред сенатом
Перекричат все жалобы его.
Притом, когда увижу я, что чванство
Дает почет, то объявлю везде,
Что родом я из царственного дома.
Что не нужна сенаторская шапка
Мне для того, чтоб право я имел
Хотя б на то высокое блаженство,
Которого достигнул я теперь.
Да, Яго, знай, когда бы Дездемоны
Я не любил, за все богатства моря
Не заключил бы в тесные границы
Жизнь вольную бездомную свою.
Но посмотри, что за огни там?

В отдалении показываются Кассио и несколько офицеров с факелами.

Яго

Это —
Ее отец разгневанный, и с ним

Его друзья. Уйти бы вам.

Отелло

Напротив,
Желаю я, чтобы меня нашли.
Заслуги, сан и совесть без упрека
Меня вполне — я знаю — оправдают...
Они ли то?

Яго

Нет, Янусом клянусь,
Мне кажется, другие.

Отелло

Это — дожа
Служители, и лейтенант мой с ними.
Ночь добрая, друзья мои! Здорово!
Что скажете?

Кассио

Нас дож сюда отправил,
Чтоб передать поклон вам, генерал,
И попросить к нему сейчас явиться,
Не медля ни минуты.

Отелло

Для чего?
Не знаете?

Кассио

Как мог я догадаться,
Получены сейчас из Кипра вести —
Важнейшие какие-то дела.
Сегодня в ночь с галер сюда прислали
Посланников двенадцать, одного
Вслед за другим. Теперь у дожа
Сенаторов довольно собралось!
За вами раз тогда же посылали,
Но посланный вас дома не застал.
Теперь сенат во все концы отправил,
Чтоб разыскать скорее...

Отелло

Хорошо,
Что вы меня здесь встретили. Я только
Зайду сказать два слова в этот дом
И возвращусь немедленно.

(Уходит.)

Кассио

Поручик!
Что у него тут за дела?

Яго

Сегодня
Он ночью взял к себе на abordаж
Галеру превосходную, и если
Признается законным приз его,
Он навсегда свое составил счастье.

Кассио

Мне не совсем понятно.

Яго

Он женился.

Кассио

На ком?

Яго

На...

Отелло возвращается.

Что ж, пойдёмте, генерал?

Отелло

Идем.

Кассио

А вот еще другой отряд:
Он также вас отыскивает.

Входят Брабанцио, Родриго и дозорные с факелами и оружием.

Яго

Это —
Брабанцио. Взгляните, генерал!
Он с умыслом недобрым — берегитесь!

Отелло

Стой! Кто идет?

Родриго

Синьор, он здесь.

Брабанцио

Хватайте
Разбойника!

С обеих сторон обнажаются мечи.

Яго

А, это вы, Родриго?
Ну, что ж, синьор, к услугам вашим я.

Отелло

Умерьте гнев, друзья мои, вложите
Вы светлые мечи свои в ножны,
Не то роса их ржавчиной покроет.
Почтеннейший синьор мой, вы годами
Внушаете повиновенья больше,
Чем этим всем оружием.

Брабанцио

Подлый вор!

Куда, куда ты дочь мою упрятал?
Проклятый, ты околдовал ее!
Да я сошплюсь на все, что смысл имеет.
Возможно ли, чтоб, не связав себя
Оковами каких-то чар проклятых,
Возможно ли, чтоб девушка такая
Прекрасная, невинная, на брак
Смотревшая с такою неприязнью,
Что юношам знатнейшим и красавцам
Венеции отказывала всем,
Чтоб девушка такая, говорю я,
Решилась дать себя на посмеянье
Всеобщее, из дому убежать
И на груди укрыться закоптелой
Создания безобразного, в ком все
Внушает страх, а не любви отраду?
Суди меня весь мир, когда не ясно,
Что ты ее гнуснейшим колдовством
Очаровал, что девственную юность
Ты погубил напитками и зельем,
Волнующими страсти. Я хочу,
Чтобы вполне исследовано было
Все это дело, а меж тем оно
Правдоподобно так и для рассудка
Так осязательно, что я сейчас же
Беру и арестую здесь тебя,
Обманщика мирского, человека
Искусного в проклятом колдовстве,

В занятиях, законом запрещенных.
Эй, взять его, а если станет он
Противиться — вы с ним не церемоньтесь!

Отелло

Друзья мои и вы, все остальные,
Сдержите руки. Если б роль моя
Была борьба, ее бы я исполнил
Без помощи суфлера — верьте мне.
Куда хотите вы, чтоб шел я с вами
На ваше обвиненье отвечать?

Брабанцио

В тюрьму, в тюрьму, пока тебя к ответу
Не позовут закон и правый суд!

Отелло

Да как же я могу повиноваться?
Как я тогда приказ исполню дожа,
Которого послы сюда пришли,
Чтоб звать меня по делу государства?

Один офицер

Он точно прав, почтеннейший синьор.

В совете дож. Наверно, посылали
И вас просить.

Брабанцио

Как, дож в совете? Ночью?
Ведите же его туда за мной —
И у меня ведь дело не пустое.
Сам дож и все сенаторы-собратья
Должны смотреть на это оскорбленье,
Как на свое. Когда давать мы будем
Таким делам свободный ход, тогда
У нас в главе правленья скоро станут
Язычники и подлые рабы.

Уходят.

Сцена III

Там же. Зал совета.

Дождь и сенаторы сидят за столом. Офицеры стоят в отдалении.

Дождь

В полученных известиях, однако,

Согласья нет — и это нам мешает
Им веру дать.

1-й сенатор

Да, правда, разногласья
Довольно в них. Мне пишут, что число
Галер — сто семь.

Дожд

А мне, что их — сто сорок.

2-й сенатор

А мне, что их — две сотни. Но хотя
В числе галер и не согласны письма,
Так как догадки в разных донесеньях
Ведут всегда к ошибкам, все ж они
Все говорят, что этот флот — турецкий
И что на Кипр плывет он.

Дожд

В этом всем
Есть много вероятья; потому-то
Не тещу я себя различьем в числах,
Но главному я верю — и боюсь.

Матрос *(за сценой)*

Скорей меня впустите! Новость! Новость!

Входят офицер и матрос.

Офицер

Вот посланный с галер.

Дож

Ну что? В чем дело?

Матрос

Турецкий флот плывет теперь к Родосу.
Мне приказал об этом донести
Сенаторам синьор Анджело.

Дож

Ну,
Что скажете об этой перемене?

1-й сенатор

Да я скажу, что это невозможно

И разуму противно. Это шутка,
Которою хотят нас с толку сбить.
Ведь стоит нам сообразить, как важен
Для турок Кипр, потом припомнить то,
Что их Родос не так интересуется,
Затем что взять гораздо легче Кипр,
Где нет больших и прочных укреплений,
Где средств к защите нет таких, какими
Богат Родос. Подумаем об этом —
И мы поймем, что турки ведь не так
Неопытны, чтоб, главное оставив
И пренебрегши предприятием легким
И выгодным, пуститься на другое —
Опасное, неприбыльное.

Дожд

Да,
Они плывут, наверно, не к Родосу.

Офицер

Вот с новыми вестями к вам гонец.

Входит гонец.

Гонец

Почтенные синьоры, оттоманы,
Поплывшие к Родосу, близ него
С другим еще соединились флотом.

1-й сенатор

Я так и знал. А сколько их, как слышно?

Гонец

Всех тридцать кораблей. Затем они
Обратно повернули и теперь
Уже на Кипр плывут. Синьор Монтано,
Ваш преданный и доблестный слуга,
Об этом извещает вас и просит,
Чтоб вы ему поверили.

Дожд

Теперь
Сомнения нет: их путь направлен к Кипру.
Что, в городе ли нынче Марк Люкезе?

1-й сенатор

Он теперь во Флоренции.

Дожд

Напишите ему от нас и попросите, чтоб он
возвратился, не медля ни минуты.

1-й сенатор

Вот и Брабанцио с доблестным мавром.

Входят Брабанцио, Отелло, Яго, Родриго и офицеры.

Дожд

Отелло доблестный, сейчас должны мы
Употребить вас в дело против турок,
Врагов республики. Но я не вижу...
(К Брабанцио.)

А, здравствуйте, почтеннейший синьор!
И ваш совет, и ваша помощь — нынче
Нам все нужны.

Брабанцио

А я их жду от вас,
Светлейший дожд, простите мне: не сан мой,
Не эта вест о новом, важном деле
Заставили меня с постели встать.
Не общая меня забота взволновала

Затем, что скорбь душевная моя
Бежит таким потоком неудержным,
Что скорби все другие поглощает,
Не становясь слабее ни на миг.

Дожд

Но что, синьор? Что с вами? Что случилось?

Брабанцио

Дочь, дочь моя!

Дожд

Мертва?

Брабанцио

Да, для меня!
Обманута, похищена ворами,
Обольщена снадобьем колдунов
И чарами, затем что невозможно,
Не будучи слепой, кривой, безумной,
Впасть в страшное такое заблужденье
Без колдовства.

Дожд

Кто б ни был человек,
Решившийся таким гнуснейшим средством
У вас взять дочь, а у нее — сознание,
Кровавую закона книгу вы
Раскроете и выберете в ней
Возмездие, какое захотите.
Хоть будь мой сын родной, не изменю я
Решения.

Брабанцио

Нижайше вашу светлость
Благодарю. Виновный — этот мавр,
Которого по делу государства
Вы, кажется, послали звать сюда.

Дожд и сенаторы

Такую весть нам очень грустно слышать.

Дожд (к Отелло)

Что можете вы отвечать на это?

Брабанцио

Да только то, что правду я сказал.

Отелло

Почтенные, знатнейшие синьоры
И добрые начальники мои!
Что дочь увез у этого я старца —
Не выдумка; не выдумка и то,
Что я на ней женился; но на этом
Кончается и весь проступок мой.
Я груб в речах; к кудрявым фразам мира
Нет у меня способности большой,
Нет потому, что этими руками
Я с семи лет до нынешнего дня
На лагерных полях привык работать.
Изо всего, что в мире происходит,
Я говорить умею лишь о войнах,
Сражениях; вот почему теперь,
Здесь говоря за самого себя,
Едва ли я сумею скрасить дело.
Но пусть и так: я, с вашего согласия,
Все ж расскажу вам, прямо, без прикрас
Весь ход любви моей; скажу, какими
Снадобьями и чарами, каким
Шептанием и колдовством всеильным —
Ведь в этом я пред вами обвинен —

Привлек к себе я дочь его.

Брабанцио

Такая
Смиренная и робкая девица,
Красневшая от собственных движений —
И вдруг она, наперекор природе,
Своим летам, отечеству, богатству,
Всему, всему, влюбилась в то, на что
До этих пор и посмотреть боялась!
Нет, только тот, кто поврежден в рассудке
Иль кто совсем с ума сошел, допустит,
Что может так забыться совершенство,
Наперекор всем правилам природы —
И объяснить такое дело должно
Ничем иным, как происками ада.
А потому я утверждаю вновь,
Что на нее он действовал каким-то
Снадобьем одуряющим иль зельем,
Для этого приправленным нарочно.

Дож

Так утверждать — не значит доказать,
И подкрепить должны вы обвиненье
Свидетельством яснее и точнее
Таких пустых догадок и таких

Незначащих и мнимых заключений.

1-й сенатор

Ну, говорите же скорей, Отелло:
То правда ли, что к средствам запрещенным,
Насильственным прибегли вы затем,
Чтоб подчинить себе и отравить
Девушки юной чувства? Или в этом
Успели вы посредством убеждений
И тех речей, которые влекут
К одной душе другую?

Отелло

Умоляю,
Пошлите вы сейчас к «Стрелку» за нею.
И пусть она в присутствии отца
Все обо мне расскажет; если я
Из слов ее виновным окажусь,
Тогда меня не только что доверья
И сана, мне дарованных от вас,
Лишите вы, но пусть ваш суд правдивый
И жизнь мою отнимет у меня.

Дож

Пошлите же сейчас за Дездемоной.

Отелло (к Яго)

Сведи их, друг: ты знаешь, где она.

Яго уходит с несколькими офицерами.

А между тем, почтенные синьоры,
Пока она придет сюда, я вам
Так искренно, как Богу открываю
Свои грехи, скажу, как я успел
Снискать любовь прекрасной этой девы
И как она мою приобрела.

Дожд

Рассказывай, мы слушаем, Отелло.

Отелло

Ее отец любил меня и часто
Звал в дом к себе. Он заставлял меня
Рассказывать историю всей жизни,
Год за год — все сражения, осады
И случаи, пережитые мной.
Я рассказал все это, начиная
От детских дней до самого мгновенья,
Когда меня он слышать пожелал.
Я говорил о всех моих несчастьях,

О бедствиях на суше и морях:
Как ускользнул в проломе я от смерти,
На волосок висевшей от меня;
Как взят был в плен врагом жестокосердым
И продан в рабство; как затем опять
Я получил свободу. Говорил я
Ему о том, что мне встречать случалось
Во время странствий: о больших пещерах,
Бесплоднейших пустынях, страшных безднах,
Утесах неприступных и горах,
Вершинами касающихся неба;
О каннибалах, что едят друг друга,
О племени антропофагов злых
И о людях, которых плечи выше,
Чем головы. Рассказам этим всем
С участием внимала Дездемона,
И каждый раз, как только отзывали
Домашние дела ее от нас,
Она скорей старалась их окончить,
И снова шла, и жадно в речь мою
Впивалася. Все это я заметил
И, улучив удобный час, искусно
Сумел у ней из сердца вырвать просьбу
Пересказать подробно ей все то,
Что слышать ей до этих пор без связи,
Урывками одними привелось.
И начал я рассказ мой, и не раз
В ее глазах с восторгом видел слезы,

Когда я ей повествовал о страшных
Несчастиях из юности моей.
Окончил я — и целым миром вздохов
Она меня за труд мой наградила,
И мне клялась, что это странно, чудно
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше уж желала бы она
И не слышать про это; но желала б,
Чтоб Бог ее такую сотворил,
Как я; потом меня благодарила,
Прибавивши, что, если у меня
Есть друг, в нее влюбленный, — пусть он
только

Расскажет ей такое ж о себе —
И влюбится она в него. При этом
Намеке я любовь мою открыл.
Она меня за муки полюбила,
А я ее — за состраданье к ним.
Вот чары все, к которым прибегал я.
Она идет — спросите у нее.

Входят Дездемона, Яго и офицеры.

Дож

Ну, и мою бы дочь увлек, конечно,
Такой рассказ. Брабанцио почтенный,
Что кончено, того не воротить,

И следует вам с этим примириться.
Вы знаете, что люди чаще бьются
Хоть сломанным оружием, но оружием,
Чем голыми руками.

Брабанцио

Я прошу,
Послушайте еще ее признание,
И если здесь сознается она
В участии своем хоть вполовину —
Пусть смерть падет на голову мою,
Когда его смущу я укоризной.
Поди сюда, любезное дитя!
Ты знаешь ли, кому из здесь сидящих
Почтеннейших синьоров ты должна
Оказывать всех больше послушанья?

Дездемона

Я знаю то, отец мой благородный,
Что надвое распался здесь мой долг:
Вам жизнь и воспитаньем я
Обязана; и жизнь, и воспитанье,
Сказали мне, что вас должна я чтить:
Вы мой глава, я ваша дочь, родитель,
Но вот мой муж. Позвольте же и мне
Быть столько же покорной мавру, сколько

И мать моя, с своим отцом расставшись
И выбрав вас, была покорна вам.

Брабанцио

Ну, Бог с тобой! Я кончил, ваша светлость.
Угодно вам — мы перейдем к делам
Республики. О, лучше б я хотел
Приемыша иметь, чем дочь родную!
Мавр, подойди и выслушай меня.
От всей души даю тебе я то,
Что у тебя от всей души бы вырвал,
Когда б ты им уже не завладел.
(*Дездемоне.*)

Ну, милое сокровище, душевно
Я радуюсь, что дочери другой
Нет у меня, а то б я стал тираном
Из-за побега твоего и в цепи
Ее сковал. Я кончил, ваша светлость.

Дожд

Позвольте же, как будто вместо вас,
Мне высказать теперь такое мнение,
Которое могло б влюбленным этим
Ступенями служить для достижения
Приязни вашей.
Когда уж нет спасенья, грусть должна

Окончиться с сознанием несчастья
И гибели последней из надежд.
Оплакивать исчезнувшее горе —
Вернейший путь призвать другую скорбь.
Когда нельзя предотвратить удара —
Терпение есть средство отомстить
Насмешкою судьбе несправедливой.
Ограбленный, смеясь своей потере,
У вора отнимает кое-что:
Но, горести предавшись бесполезной,
Ворует он у самого себя.

Брабанцио

Так, знаете, уступим-ка с улыбкой
Мы туркам Кипр: он все ведь будет наш.
Ох! Хорошо такие рассужденья
Переносить тому, кто удручен
Лишь сладким утешеньем, в них лежащим.
Но каково тому, кто, кроме их,
Обременен печалью? Для уплаты
Своей тоске он должен занимать
У бедного терпенья. Эти речи,
Способные и утешать, и мучить,
Двусмысленны, как их ни поверни.
Слова всегда останутся словами!
Я никогда не слышал, чтоб могло
Растерзанное сердце излечиться

Тем, что ему подсказывает ухо.
Теперь я вас покорнейше прошу
Заняться здесь делами государства.

Дожд

Турки, могущественно вооруженные, плывут
к Кипру. Вам, Отелло, лучше, чем другим,
известны средства обороны этого места.
Хотя мы имеем уже там наместника
высокодоблестного, но общественное
мнение — этот верховный властелин
успехов — возлагает большую надежду
спасения на вас. Поэтому вам придется
теперь омрачить блеск вашего нового
счастья этой неминуемой и бурной
экспедицией.

Отелло

Почтенные сенаторы, привычка —
Тиран людей, и для меня она
Кремнистое, стальное ложе брани
В пуховую перину превратила.
Я, признаюсь, в труде тяжелом радость
Открытую, прямую нахожу —
И в бой готов идти на оттоманов.
Поэтому к вам обращаюсь я

С смирением полнейшим и прошу,
Чтоб сделано распоряженье было
Насчет жены моей, чтоб ей жилище
Назначили, и слуг, и содержанье,
И, словом, все удобства, как прилично
Высокому рождению ее.

Дож

Хотите вы, так пусть живет она
У своего отца.

Брабанцио

Я не согласен.

Отелло

Ни я.

Дездемона

Ни я. Я не хочу там жить,
Чтоб, находясь перед отца глазами,
Его всегда сердить и раздражать.
Светлейший дож, внимлите благосклонно
Моей мольбе, и слово снисхожденья
Пусть ободрит неопытность мою.

Дожд

Чего же вы хотите, Дездемона?

Дездемона

Светлейший дожд, я доказала миру
Тем, что пошла открыто и бесстрашно
Навстречу всем превратностям судьбы,
Что для того я мавра полюбила,
Чтоб с мавром жить. Ведь сердце-то мое
Призванию его и покорилось.
В его лице мне дух его являлся;
Я подвигам его и славе громкой
Свою судьбу и душу посвятила.
Поэтому, почтенные синьоры,
Когда я здесь останусь молю мира,
Меж тем как он поедет на войну,
То именно того лишусь, за что я
Люблю его, и тяжело будет мне
Переносить разлуку с милым сердцу.
Позвольте же мне ехать вместе с ним.

Отелло

Сенаторы, подайте голоса!
Я вас молю не отказать ей в просьбе.
Свидетель Бог, молю не для того,

Чтоб угодить желаньям сладострастным,
Не для того, чтоб юной страсти жар
Мне одному дарил бы наслажденье,
Но для того, чтобы ее душа
От всех забот и мук была свободна.
Но Боже вас, синьоры, сохрани
От мысли той, что важным вашим делом
Пренебрегу, не расставаясь с ней.
Нет, нет! Когда беспечные забавы
Крылатого Амура наведут
Изнеженность и сладкую истому
На мысль мою и действия мои,
Когда они мое испортят дело,
Тогда пускай из шлема моего
Простой горшок себе устроят бабы,
И пусть тогда на честь мою падут
Постыднейший позор и оскорбленье!

Дожд

Пусть будет так, как сами вы решите —
Остаться ей иль ехать. Наше дело
Не терпит отлагательства, и медлить
Никак нельзя. Вы едете сегодня.

Дездемона

Сегодня в ночь?

Дожд

Сегодня в ночь.

Отелло

Я рад.

Дожд

Мы снова здесь сойдемся вместе завтра
Часу в десятом утра. Вы, Отелло,
Кого-нибудь из ваших офицеров
Оставьте: он ваше полномочье
И прочие бумаги все, какие
Вам следует, к вам привезет.

Отелло

Позвольте
Поручика оставить моего:
Он человек и честный, и надежный.
Он привезет ко мне жену мою,
А также все, что вы сочтете нужным
Послать ко мне.

Дожд

Ну что ж — пусть будет так.
Теперь вам всем желаю доброй ночи.
(К Брабанцио.)
Почтеннейший синьор, коль добродетель
Как красота прекрасна, то ваш зять,
Поверьте мне, не черен, а прекрасен.

1-й сенатор

Прощайте, храбрый мавр, и Дездемону
Храните вы от всяких бед.

Брабанцио

Смотри
За нею, мавр, смотри во все глаза:
Она отца родного обманула,
Так и тебя, пожалуй, проведет.

Дожд, сенаторы и другие уходят.

Отелло

Нет, жизнь даю за верность Дездемоны;
(К Яго.)
С тобой я оставляю, честный Яго,

Мою жену. Прошу тебя, скажи
Своей жене смотреть за ней; а после,
При случае удобном, привези
Обеих их. Пойдем же, Дездемона —
Один лишь час могу я дать любви
И всем другим заботам посторонним:
Мы времени покорствовать должны.

(Уходит с Дездемоной.)

Родриго

Яго!

Яго

Что скажешь, благородная душа?

Родриго

Как ты думаешь, что я намерен сейчас
сделать?

Яго

Думаю, что ты сейчас отправишься спать.

Родриго

Я сейчас пойду и утоплюсь.

Яго

Ну, если ты сделаешь это, я после того перестану любить тебя. И к чему это, глупый человек?

Родриго

Глупость жить, когда жизнь — мученье; и мы обязаны умереть, когда смерть может быть нашим исцелителем.

Яго

О, чепуха! Я смотрю на смерть уже пятое семилетие, и с тех пор, как научился различать благодеяние от оскорбления, не встречал еще человека, который бы умел любить себя. Нет, что касается меня, то я скорее бы обменялся своею человечностью с обезьяною, чем решил бы утопиться из любви к какой-нибудь цесарке.

Родриго

Да что же мне сделать? Сознаюсь, мне самому стыдно, что я так влюблен, да нет сил преодолеть это!

Яго

Нет сил? Пустяки! Быть таким или иным — зависит от нас самих. Наше тело — наш сад, а наша воля — садовник в нем. Захотим ли мы посадить там крапиву или посеять салат, иссоп, тмин; захотим ли украсить этот сад одним родом трав или несколькими; захотим ли запустить его по бездействию или обработать с заботливостью — всегда сила и распорядительная власть для этого лежат в нашей воле. Если бы на весах нашей жизни не было чашечки рассудка для уравновешивания чашечки чувствительности, то кровь и пошлость нашей природы довели бы нас до безумнейших последствий. Но у нас есть рассудок для прохладения бешеных страстей, животных побуждений, необузданных похотей. Вот почему то, что ты называешь любовью, есть, я думаю,

простой побег или отпрыск.

Родриго

Это невозможно.

Яго

Да, просто похоть крови, потворствуемая волею. Ну полно, будь мужчиной! Утопиться!.. Топи лучше кошек и слепых щенят. Я объявил себя твоим другом, признаюсь, что привязан к тебе канатами надежной толщины и никогда не мог быть тебе полезным так, как теперь. Насыпь-ка денег в свой кошелек, ступай на войну, измени лицо свое поддельной бородой — но, повторяю, насыпь-ка денег в свой кошелек. Невозможно, чтобы Дездемона долго любила мавра. Невозможно, чтобы и он долго любил ее. Любовь эта стремительно началась, и ты увидишь такой же разрыв ее; но не забудь кошелек с деньгами! Эти мавры изменчивы в своих желаниях... Наполни же кошелек свой деньгами. Пицца, которая кажется ему теперь такую же сладкою, как саранча, скоро сделается для него горше

колоцинтов. Она должна перемениться вследствие своей молодости; когда насытится его телом, то увидит, как ошиблась. Да, ей нужна будет перемена, непременно нужна — вот почему следует наполнить кошель деньгами. Если уж ты непременно хочешь погубить себя, так употреби для этого средство более приятное, чем утопление. Собери денег, сколько можешь. Если ложная святость и непорочные клятвы бродяги-чужеземца и хитрой венецианки не победят моей смышленности и стараний целого ада, то ты завладеешь ею, только достань денег. Какой вздор — утопиться! Ведь это ни к чему не поведет... Уж лучше тебе повеситься, насладившись блаженством, чем утопиться, ничего не добившись!

Родриго

Но оправдаешь ли ты мои надежды, если я последую твоим советам?

Яго

Будь совершенно уверен во мне... А теперь доставай деньги. Я говорил тебе часто и

теперь снова повторяю: я ненавижу мавра. Причин на это у меня достаточно — у тебя тоже не меньше. Соединимся же вместе для мщения. Если тебе удастся приставить ему рога, то этим ты себе доставишь удовольствие, а мне — потеху. Много есть такого в утробе времени, что скоро откроется. Ну, марш — доставай деньги! Завтра мы потолкуем об этом подробнее. Прощай.

Родриго

Где мы увидимся завтра утром?

Яго

У меня.

Родриго

Я приду пораньше.

Яго

Ну, прощай. Но ты слышал, Родриго?

Родриго

Что такое?

Яго

Ни слова больше о том, что хочешь утопиться
— слышал?

Родриго

Я раздумал. Я продам все мои поместья.

Яго

Ступай, да припаси побольше денег.

Родриго уходит.

Вот так всегда из дураков таких
Я кошелек свой делаю; а тратить
Из-за одной пустой забавы время
С болванами подобными — ведь значит
Срамить себя и опытность свою.
Я ненавижу мавра. Ходят слухи,
Что на моей супружеской постели
Он исполнял обязанность мою.
Не знаю я, правдивы ль эти слухи;

Но одного простого подозренья
Довольно мне, чтоб поступать, как будто
Уверен я. Он верит мне во всем —
Тем лучше я в делах своих успею.
Наш Кассио красавец... Как бы это?...
Вот было бы вдвойне отличной шуткой —
Занять его мне место и потом
Его же взять, чтоб оперить мой план!
Но как? Но как? Подумаем однако:
Не худо бы начать, спустя немного,
Нашептывать Отелло в уши, будто
С его женой он чересчур уж дружен.
У Кассио красивое лицо,
Он ловок, мил; он будто с тем лишь создан,
Чтоб обольщать всех женщин, и к нему
Приревновать нетрудно; а у мавра
Такой простой и добродушный нрав,
Что честным он считает человеком
Умевшего прикинуться таким,
И за нос так водить его удобно,
Как глупого осла.
Так, решено! Зачатье совершилось,
А тьма и ад потом на помощь мне придут.
И плод чудовищный для света извлекут.

(Уходит.)

Акт второй

Сцена I

Приморский город на Кипре. Терраса.
Входят Монгано и два офицера.

Монтано

Не видно ли чего на море с мыса?

1-й офицер

Нет, ничего. Серdito ходят волны,
И паруса ни одного не видно
Между водой и небом.

Монтано

Ветер сильно
На суше здесь шумел, сильнее рева
Не слышали еще бойницы наши.
Когда он так и в море свирепел —
Не выдержать никак дубовым ребрам
От натиска громадных гор воды.
Ну, что-то мы услышим?

2-й офицер

Что рассеян
Турецкий флот. Чтоб убедиться в том
Взгляните-ка на пенящийся берег —
Ревущие валы как будто бьются
С толпою туч; бичуем грозным ветром,
Чудовищную гриву океан

Всю разметал и точно хлещет влагой
В Медведицу сверкающую, с тем,
Чтоб загасить блестящих сторожей
У полюса, недвижимого от века.
Да, признаюсь, такого возмущенья
Я не видал еще на бурном море.

Монтано

Да, если флот турецкий не успел
Куда-нибудь укрыться в гавань — верно,
Он утонул. Бороться с этой бурей
Никак нельзя.

3-й офицер (входя)

Синьоры, новость, новость!
Конец войне. Отчаянная буря
Так турок угостила хорошо,
Что планы их совсем перевернулись.
С венецианского узрели корабля
Крушение и гибель большей части
Флотилии турецкой.

Монтано

Это верно?

3-й офицер

Он только что вошел к нам в гавань. Это
Веронское судно. На нем приехал
К нам лейтенант воинственного мавра,
Микеле Кассио; а сам Отелло,
Назначенный правителем на Кипр,
Еще плывет сюда.

Монтано

Я очень рад
Такому назначенью: он правитель
Достойнейший.

3-й офицер

Но тот же лейтенант,
Доставивший нам радостную весть
О гибели турецкой, очень грустен
И молится он о спасеньи мавра,
Которого отбила от него
Свирепая, безумнейшая буря.

Монтано

И я молю: «Спаси его, Творец!»
Когда-то я был под его начальством

И, признаюсь, он истый полководец.
Пойдемте-ка на берег посмотреть
На тот корабль, что только что приехал,
И, может быть, бесстрашного Отелло
Мы различим хоть где-нибудь вдали,
Где сходится вода с лазурным небом.

3-й офицер

Пойдем, пойдем! Ведь каждое мгновенье
Теперь нам ждать приходится гостей.

Входит Кассио.

Кассио

Благодарю всех доблестных мужей
Воинственного Кипра за признание
Достоинства Отелло. О, пусть небо
Пошлет ему защиту от стихий!
Я потерял его на бурном море...

Монтано

На крепком ли плывет он корабле?

Кассио

Да, у него корабль построен прочно,
И опытный, искусный кормчий с ним.
Вот отчего мои еще надежды
Не умерли, а исцеленья ждут.

Крики за сценой: «Корабль! Корабль!»
Входит 4-й офицер.

(Офицеру.)

Что значат эти крики?

4-й офицер

Весь город пуст; на берегу собрались
Толпы людей, и все кричат: «Корабль!»

Кассио

Предчувствие мне говорит, что это
Правитель наш.

Пушечные выстрелы.

2-й офицер

Там, слышно, салютуют:
То — дружеский салют.

Кассио

Синьор, прошу вас,
Узнайте, кто приехал, и сейчас
Нам дайте знать.

2-й офицер

Иду и все исполню.

(Уходит.)

Монтано

Что, лейтенант, женат наш генерал?

Кассио

И очень счастливо: он взял девицу,
Способную собою оправдать
Излишества молвы и описаний,
Способную собою превзойти
Каракульки хвалебно-громких перьев:

Она — краса Творения, и в ней
Все чудеса его соединились.

Возвращается 2-й офицер.

Кассио

Ну что? Кто там приехал?

2-й офицер

Некто Яго,
Поручик генерала.

Кассио

Каково!
Как счастливо и скоро путь свершил он!
Сам ураган и бешеное море,
Ревущий ветер, подводные утесы
И отмели песчаные — враги,
Изменники, сокрытая преграда
Безвинному килю — теперь, как будто
Уразумев всю силу красоты,
Губительный характер свой смирили,
Позволив путь свершить благополучно
Божественно-прекрасной Дездемоне.